

ЭРИКСІАСЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ЭРИКСІАСѢ.

«Эриксіасъ», иногда озаглавливаемый также именемъ другаго разговаривающаго лица—Эрасистрата,—довольно слабый по формѣ разговоръ на тему о полезномъ и о приобрѣтеніи богатства, денегъ (*χρήσιμον, χρήματα*). Въ немъ развивается извѣстное положеніе Сократа, что самый богатый человѣкъ тотъ, кто знаетъ и умѣетъ употреблять въ дѣло истинно доброе и полезное. Изложеніе «Эриксіаса» мѣстами весьма запутанно (р. 396 В, С, D; 398 А—Е; 402 С, D; 403 В), мѣстами же, надо признаться, не лишено остроумія (напр., р. 406). Но иронія его не имѣетъ нисколько характера платоническаго (р. 399 С; 403 С; 405 В): видно только одно, что писатель, раскрывая свою тему, ближе всего присматривался къ «Хармиду» и подражалъ ему.—Любопытны между прочимъ приводимыя подробности относительно матеріала и формы денегъ у караегенянь, спартацевъ и другихъ народовъ (р. 400 А, В, С).

Не смотря на то, что «Эриксіасъ» очень живо напоминаетъ нѣкоторыя мѣста подлинныхъ сочиненій Платона, этотъ разговоръ, ни по содержанію, ни по языку, не можетъ быть приписанъ самому Платону, такъ что еще древніе критики и филологи относили его прямо къ числу діалоговъ подложныхъ (Diog. Laërt. III, 62). Но когда и къмъ

сдѣланъ былъ этотъ подлогъ, опредѣлить трудно. Нѣкоторые относятъ появленіе его ко времени самого Платона и считаютъ авторомъ діалога одни Эсхина, другіе Ксенократа. Мы рѣшительно отвергаемъ это предположеніе. Тогда, при жизни Платона, не только не возможно было выпускать подобныя литературныя подлоги, но трудно и представить, чтобъ было какое нибудь къ тому побужденіе. Подлогъ могъ быть вызванъ, во первыхъ, славою Платона, какъ образцоваго писателя и великаго философа, во вторыхъ, какими нибудь нравственными или матеріальными интересами: но то и другое было бы мыслимо лишь во времена послѣдующія, когда Платонъ перешелъ уже въ рядъ лицъ историческихъ, съ славою перваго и несравненнаго представителя эллинской философіи, и когда съ жадностію списывали свитки его твореній, платя за каждое усвояемое ему сочиненіе большія деньги. Впрочемъ, къ какому бы вѣку ни относилось появленіе въ свѣтъ «Эриксиаса», несомнѣнно то, что въ кодексъ Платоновыхъ сочиненій вошелъ онъ уже въ позднѣйшія времена греческой жизни. Ближайшія подробности по этому вопросу читатели найдутъ у *Fabric. Bibl. Gr. t. III. p. 108 sq.*; *Fischer. z. d. Gespr. d. Aeschin. p. 95*; *Notit. Citer. de Platon. t. XI, p. V sqq.*; *Meiners, in Comment. Societ. Gott. V, p. 46 sqq.*; *Böckh. Praefat. in Sim. Socrat. dial. p. VI*; *Wittenbach, in Philomath. p. II p. 37.*

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, ЭРАСИСТРАТЬ, КРИТІАСЬ И ЭРИКСІАСЬ.

Прогуливались мы въ портикѣ Зевса Освободителя,—я 392. и Эриксіасъ стиріейскій; потомъ подошли къ намъ Критіасъ и Эрасистратъ, сынъ Феака, Эрасистратова племянника. Эрасистратъ въ то время только что прибылъ изъ Сициліи и другихъ мѣстъ. Подошедши къ намъ, онъ сказалъ: Здравствуй, Сократъ.—И ты также, молвилъ я. Ну-ка, не можешь ли сказать намъ что хорошаго о Сициліи?—И очень. Но не угодно ли, сперва сядемъ, прибавилъ онъ: потому что вчерашній путь изъ Мегары утомилъ меня.—Охотно, если тебѣ хочется.—Что же? спросилъ онъ, желаете ли сперва слышать о тамошнемъ,—о нихъ самихъ, что они дѣлають,—или о томъ, какъ они расположены къ нашему городу? Вѣдь отношеніе ихъ къ намъ, мнѣ кажется, то же почти, что ось, которая, если немного раздражишь ихъ, с. сердятся, и оказываются неодолимыми, пока не нападешь на нихъ и не выгонишь со всѣмъ племенемъ. Таковы и сиракузяне: пока кто нибудь не возьметъ на себя труда приплыть туда съ большимъ флотомъ, нельзя представить, какимъ бы образомъ этотъ городъ могъ покориться намъ. Отъ небольшихъ же этихъ войскъ они только больше раздражаются, и чрезъ то становятся для насъ крайне несносны. Вотъ и теперь прислали они къ намъ пословъ, намѣреваясь,

- Д какъ мнѣ кажется, обмануть нашъ городъ.—Между тѣмъ какъ мы разговаривали такимъ образомъ, сирагузскимъ посламъ случилось проходить мимо. Посему Эрасистратъ, указавъ на одного изъ нихъ, сказалъ: вотъ это, Сократъ,—самый большой богачъ между всѣми сициліянами и италіянцами. Да и какъ не быть богатымъ?—примолвилъ онъ: земли у него такое множество, и она такъ плодоносна, что всякій у него можетъ обрабатывать ее въ какомъ хочеть количествѣ. Подобнаго этому обилія у прочихъ эллиновъ и найти невозможно. Кромѣ того, есть у него и все другое, что составляетъ богатство,—рабы, кони, золото и серебро.—Видя, что онъ готовъ пуститься въ болтовню объ имѣніяхъ этого
393. человѣка, я спросилъ его: а что, Эрасистратъ, какимъ слыветъ этотъ человѣкъ въ Сициліи?—Слыветъ онъ такимъ, каковъ и есть, отвѣчалъ Эрасистратъ: это между всѣми сициліянами и италіянцами человѣкъ еще болѣе злой, чѣмъ богатый; такъ что, спроси кого хочешь изъ сициліянъ, кого почитаетъ онъ самымъ злымъ и самымъ богатымъ,—всякій укажетъ не на другаго, а на него.—Находя, что онъ говоритъ не о пустякахъ, но о вещахъ, почитаемыхъ
- В. самыми важными, то есть, о добродѣтели и богатствѣ, я спросилъ его: того ли человѣка назоветъ онъ болѣе богатымъ, у котораго есть два таланта серебра, или того, кто владѣетъ стоящимъ двухъ талантовъ полемъ?—Я думаю, того, кто владѣетъ полемъ, отвѣчалъ онъ.—Не то же ли самое, спросилъ я, если у кого есть одежды, или ковры, или иныя еще болѣе цѣнныя вещи, какихъ нѣтъ у путешественника,—вѣдь тотъ будетъ и богаче?—Подтвердилъ и это.—А
- С. кто позволилъ бы тебѣ выбирать изъ этого любое,—пожелалъ ли бы ты?—Я почелъ бы это подаркомъ драгоцѣннѣйшимъ, отвѣчалъ онъ.—И конечно, въ той мысли, что будешь богаче?—Такъ.—Но вотъ теперь самымъ богатымъ кажется намъ тотъ, кто приобрѣлъ вещи самыя драгоцѣнныя.—Да, сказалъ онъ.—Поэтому здоровые должны быть богаче больныхъ, заключилъ я, если здоровье есть стяжаніе

болѣе важное, чѣмъ деньги больнаго. Вѣдь конечно, не найдешь никого, кто не почелъ бы за лучшее быть здоровымъ, получая малое количество денегъ, чѣмъ болѣть, владея сокровищами великаго царя,—и это, очевидно, въ той мысли, что здоровье гораздо выше денегъ; потому что иначе оно не предъизбиралось бы, если бы не было предпочитаемо деньгамъ.—Конечно, нѣтъ.—Но нѣтъ ли чегонибудь, что представлялось бы еще болѣе драгоценнымъ, нежели здоровье,—чегонибудь такого, что пріобрѣтши, человекъ почиталъ бы себя богатѣйшимъ?—Есть.—Такъ вотъ, если бы кто теперь подошелъ къ намъ и спросилъ: Сократъ, Эриксиасъ и Эрасистратъ! можете ли вы сказать мнѣ, какое у человека самое драгоценное стяжаніе? Не то ли это, которое пріобрѣтши, человекъ могъ бы превосходно судить о томъ, какъ лучше вести дѣла и свои, и друзей своихъ? Что сказали бы мы на это?—Мнѣ-то кажется, Сократъ, что для человека всего драгоценнѣе счастье.—И нехудо-таки, примолвилъ я. Но не тѣхъ ли людей признаемъ мы самыми счастливыми, которые особенно благополучны?—Мнѣ кажется, этихъ.—А не тѣ ли люди отлично благополучны, которые менѣе всего погрѣшаютъ какъ въ отношеніи къ себѣ самимъ, такъ и въ отношеніи къ другимъ людямъ, и совершаютъ весьма много хорошаго?—Конечно.—А не тѣ ли правильно дѣйствуютъ и наименѣе погрѣшаютъ, которые знаютъ зло и добро, чтò должно дѣлать и чего не должно?— 394.

Понравилось и это.—Стало быть, теперь отлично дѣйствующими, счастливейшими и богатѣйшими являются у насъ тѣ же люди мудрѣйшіе, если мудрость признаемъ мы стяжаніемъ драгоценнѣйшимъ.—Да.—Но чтò пользы человеку, Сократъ, подхватилъ Эриксиасъ, если онъ окажется хотя бы мудрѣе Нестора, да не будетъ имѣть потребнаго для жизни,—хлѣба, питья, одежды и прочаго въ этомъ родѣ? В.

Какую пользу принесетъ ему мудрость, или какимъ образомъ будетъ онъ богатѣйшимъ, когда ничто не мѣшаетъ ему сдѣлаться нищимъ и вовсе не имѣть потребнаго?—Силь-

- но, по видимому, говорилъ и этотъ.—Но пріобрѣтшій мудрость можетъ ли дойти до того, чтобы испытывать подобную нужду? И съ другой стороны, если бы кто пріобрѣлъ
- С. домъ Пулитіона, и этотъ домъ былъ бы наполненъ золотомъ и серебромъ,—неужели не оставалось бы ничего желать?—Но этому-то, сказалъ онъ, ничто не мѣшаетъ тотчасъ же продать свое имѣніе и вмѣсто того пріобрѣсти, что ему нужно для жизни, либо получить монету, за которую онъ въ состояніи будетъ достать все и во всемъ имѣть обиліе.—Правда, примолвилъ я,—если случатся люди, чувствующіе
- Д. нужду скорѣе пріобрѣсть его домъ, чѣмъ его мудрость. А какъ найдутся такіе, которые выше всего ставятъ человѣческую мудрость и то, что отъ нея происходитъ? Такой человѣкъ, въ случаѣ какой нибудь нужды, самъ гораздо охотнѣе продастъ его,—продастъ и самый домъ, и все, что въ немъ дѣлается. Развѣ пользованіе домомъ дѣло такое важное и необходимое, и для жизни велика разница, живетъ ли человѣкъ въ такомъ домѣ, или въ маленькой и худой жилищѣ? и развѣ употребленіе мудрости менѣе важно, и не-
- Е. много разницы—мудрымъ ли быть или глупымъ относительно дѣлъ величайшихъ? Развѣ послѣднюю люди презираютъ и покупателей на нее нѣтъ, а въ украшающемъ домъ кипарисѣ и пентеликскихъ камняхъ нуждаются многіе и готовы покупать ихъ? Пусть былъ бы мудрый кормчій, или мудрый въ своемъ искусствѣ врачъ, или человѣкъ, умѣющій хорошо взяться за какое нибудь иное искусство этого рода: развѣ не почтеннѣе онъ величайшихъ стяжаній, въ чьемъ бы то ни было имуществѣ? и имѣя возможность пріосовѣтовать и себѣ самому, и другому, какъ поступить лучше, развѣ не можетъ онъ продавать свое знаніе, если только
395. захочетъ дѣлать это?—Тутъ Эриксіасъ посмотрѣлъ на Сократа искоса, какъ бы обиженный имъ, и, прервавъ его рѣчь, сказалъ: А что, Сократъ? если бы понадобилось тебѣ говорить правду, ты, пожалуй, призналъ бы себя богаче Калліаса, сына Иппоникова; между тѣмъ почитаемый не толь-

ко не невѣждою, но даже мудрецомъ относительно предметовъ величайшей важности, ты отъ этого нисколько не богаче.— Ты, можетъ быть, думаешь, Эриксіасъ, примолвилъ я, что положенія, входящія въ настоящій нашъ разговоръ, высказываются шуточно: а это (по твоему) пріемъ недобросовѣст- в. ный; это похоже на игру въ марки, передвигая которыя, игрокъ можетъ одолѣвать своихъ противниковъ такъ, что послѣдніе не въ состояніи будутъ противодействовать ему своими движеніями. Можетъ быть, и о богатыхъ думаешь ты, что на дѣлѣ это все далеко не такъ; разсужденія же о нихъ, подобныя нашимъ,—не болѣе справедливы, какъ и ложны: развивая ихъ, человекъ можетъ, правда, одолѣть своихъ противниковъ, и доказать, что самые мудрые суть самые богатые; но въ сущности этотъ будетъ утверждать ложь, а тѣ—истину. Да тутъ и удивляться нечему: это все С. равно, какъ если бы два человека разговаривали о буквахъ, и одинъ утверждалъ, что имя Сократа начинается сигмою (Σ), а другой—что альфою (A); положимъ, рѣчь того, который защищаетъ альфу, вышла бы и сильнѣе;—но защищающій сигму тѣмъ не менѣе правъ.—Послѣ сего Эриксіасъ, улыбаясь и краснѣя, окинулъ взоромъ присутствующихъ и, точно будто и не былъ при прежнемъ разговорѣ, сказалъ: Я думалъ, Сократъ, наши разсужденія будутъ не такого рода, чтобъ ими нельзя было ни убѣдить присутствующихъ, D. ни принести комунибудь пользу;—ибо какой человекъ съ умомъ повѣритъ, что самые мудрые суть самые богатые? Мнѣ скорѣе казалось, что если ужъ рѣчь зашла у насъ о богатствѣ, то надобно разсмотрѣть, откуда богатѣть похвально и откуда—постыдно, и что такое самое богатство,—добро оно, или зло.— Пускай такъ, примолвилъ я: впередъ мы будемъ осторожны;— ты хорошо дѣлаешь, что располагаешь къ этому. Но, заводя рѣчь объ этомъ, почему же E. самъ ты не берешься сказать, хорошимъ ли дѣломъ кажется тебѣ богатѣть, или худымъ,—если прежнія-то наши разсужденія, по твоему мнѣнію, были не о томъ же самомъ?—

Богатѣтъ мнѣ кажется дѣломъ хорошимъ, отвѣчалъ онъ. — Хотѣлъ-было онъ и еще что-то сказать; но его прервалъ своимъ вопросомъ Критіасъ: Скажи-ка мнѣ, Эриксіасъ, спросилъ онъ, богатѣтъ считаешь ты добромъ?—Конечно, взглянь Зевсомъ,—иначе я былъ бы сумасшедшимъ! да, полагаю, и никого не найдешь, кто не согласился бы съ этимъ. — Однакожъ, думаю, не найдется и такого,—замѣтилъ тотъ,—кого бы я не заставилъ согласиться, что для нѣкоторыхъ

396. людей богатѣтъ есть зло. Между тѣмъ, если бы это было добро, то для нѣкоторыхъ изъ насъ не являлось бы зломъ. — При этомъ я сказалъ имъ: Если бы ваше разногласіе касалось даже вопроса о томъ, кто изъ васъ вѣрнѣе говоритъ о верховой ѣздѣ,—какъ, то есть, превосходно ѣздить верхомъ,—и тогда, будь самъ я ѣздокъ, я постарался бы прекратить вашъ споръ; ибо стыдно было бы мнѣ быть съ вами и по возможности не устранить вашего разногласія. То же самое—когда бы вы разногласили и въ чемъ нибудь

В. другомъ, имѣя въ виду одно,—если не согласитесь, разойтись уже не друзьями, а врагами. Тѣмъ болѣе теперь, когда пришлось вамъ разногласить относительно предмета, съ которымъ необходимо имѣть дѣло всю жизнь,—когда представляется много разницы, надобно ли заботиться о немъ, какъ о полезномъ, или не надобно, и когда этимъ вопросомъ заняты люди не простые, а почитаемые у эллиновъ весьма высокими (вѣдь отцы прежде всего внушаютъ своимъ сыновьямъ, лишь только тѣ достигнутъ возраста, въ которомъ

С. кажутся уже людьми мыслящими, чтобы смотрѣли откуда можно разбогатѣтъ: ибо, имѣя что либо, ты стѣдишь чего нибудь, а не имѣя, не стѣдишь ничего),—тѣмъ болѣе теперь, когда всѣ такъ сильно имъ заняты, а вы между тѣмъ, согласные во всемъ прочемъ, въ отношеніи къ этому важнѣйшему предмету разногласите; да еще сверхъ того, говоря о богатствѣ, спорите не о томъ, которое богатство черно или бѣло, легко или тяжело, а о томъ, которое худо или хорошо,—когда по этому поводу вы готовы даже стать во враж-

дебное отношеніе, — до такой степени, будучи друзьями и родственниками, расходитесь въ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, — D. тѣмъ болѣе теперь, при настоящемъ вашемъ спорѣ, я долженъ по мѣрѣ силъ не оставлять васъ самимъ себѣ, но, говоря съ вами, постараюсь, какъ умѣю, прекратить вашъ споръ. Впрочемъ, такъ какъ самъ я сдѣлать это не могу, а изъ васъ каждый считаетъ себя способнымъ привести къ согласію другаго, то я готовъ, по возможности, воспользоваться вашимъ содѣйствіемъ, чтобы вы наконецъ согласились въ истинномъ значеніи дѣла. И такъ, Критіасъ, возьмись, какъ самъ вызвался, согласить насъ съ собою. — Но я, сказалъ онъ, какъ прежде началъ, такъ и теперь охотно спросилъ бы Эриксиаса, есть ли, по его мнѣнію, люди справедливые и несправедливые. — Клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ онъ, — даже очень. — Что же? быть несправедливымъ — зло ли это, думаешь, или добро? — Думаю, зло. — Справедливо, или несправедливо, кажется тебѣ, поступаетъ человѣкъ, когда, заплативъ деньги, любодѣйствуетъ съ женами сосѣдей, — не смотря на то, что это запрещаютъ и законы и городъ? — Мнѣ кажется, несправедливо. — Такъ пусть случится богачъ, имѣющій возможность тратить деньги, продолжалъ онъ: будучи несправедливымъ, ему стоитъ только захотѣть, чтобы согрѣшить. А когда несправедливому не пришлось быть 397. челоѣкомъ богатымъ, и тратить ему деньги не изъ чего, — онъ не имѣетъ и возможности выполнять то, что захочетъ, а потому и не грѣшить. Такимъ образомъ, для челоѣка и полезно даже не быть богатымъ, — если онъ менѣе дѣлаетъ, чѣмъ сколько хочетъ, а хочетъ именно пагубнаго. И опять, болѣть — зломъ ли называешь ты, или добромъ? — Зломъ. — Что же? есть ли, по твоему мнѣнію, люди невоздержные? — Есть. — А не лучше ли было бы такому челоѣку, ради B. здоровья, воздерживаться и отъ пищи, и отъ питья, и отъ другихъ вещей, кажущихся пріятными? Если же, по невоздержанію, онъ не въ силахъ дѣлать это, то не лучше ли бы ему было не имѣть средствъ доставать предметы не-

- воздержанія, чѣмъ владѣть въ изобиліи всѣмъ потребнымъ? Потому что тогда не въ его было бы власти грѣшить, хотя бы онъ и сильно того хотѣлъ.—Все это говорилъ Критіасъ, казалось, такъ хорошо и вѣрно, что Эриксиасъ, если бы только не стыдился присутствующихъ, не находилъ бы ни въ чемъ препятствія встать и прибить его. Эриксиасу представлялось, будто онъ и не вѣсть что потерялъ, когда стало для него ясно, что прежде о богатствѣ думалъ онъ неправильно. Замѣтивъ, что Эриксиасъ находится въ такомъ расположеніи, и опасаясь, какъ бы не произошло дальнѣйшей ссоры и брани, я сказалъ: Недавно подобную же рѣчь раскрывалъ въ ликеѣ мудрецъ, Продикъ кіосскій, и присутствовавшимъ показался такимъ болтуномъ, что никого не могъ увѣрить въ справедливости своихъ словъ. Даже что!—туда же пришелъ одинъ очень небольшой и болтливый мальчикъ и, сидя подлѣ Продика, сталъ смѣяться надъ нимъ, издѣваться и дергать его, чтобы онъ доказалъ то, что говорить,—и этимъ самымъ пріобрѣлъ отъ слушателей гораздо больше похвалы, чѣмъ Продикъ.—А не можешь ли ты передать намъ его рѣчь? спросилъ Эрасистратъ.—Конечно,—лишь бы только припомнить. Она, какъ мнѣ кажется, заключалась вотъ въ чемъ.

Во первыхъ, тотъ мальчикъ спросилъ Продика, почему, думаетъ онъ, богатѣть худо, и почему хорошо? И Продикъ на его вопросъ отвѣчалъ такъ же, какъ сегодня ты,—что, то есть, прекраснымъ и добрымъ людямъ это хорошо, и знающимъ, какъ должно пользоваться деньгами, тоже хорошо, а злодѣямъ и невѣждамъ—худо. Это самое слѣдуетъ сказать и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ; ибо каковы бываютъ тѣ, которые пользуются, такими необходимо становятся и самыя вещи, которыми они пользуются. Хорошо, мнѣ кажется,—прибавилъ Продикъ,—выражено это и въ стихѣ Архилоха:

По дѣламъ своимъ люди гадаютъ о всемъ, что ни встрѣтятъ.
398. —Такъ поѣтому, возразилъ мальчикъ, кто дѣлаетъ меня мудрымъ въ той мудрости, какою бываютъ мудры люди

добрые, тому необходимо сдѣлать для меня добрыми и прочія вещи, которыми я нисколько не занимался, чтобы, вмѣсто невѣжды, вышелъ изъ меня мудрецъ. Пусть бы, напримеръ, кто нибудь теперь сдѣлалъ меня грамматикомъ,—надобно, чтобы онъ преподавалъ мнѣ и дѣла грамматическія, а когда музыкантомъ,—музыкальныя; —дабы, сдѣлавшись добрымъ, совершать мнѣ и добрыя дѣла.—Но этого-то В. Продикъ не одобрилъ, а утверждалъ прежнее.—Кажется ли тебѣ однакожъ, сказалъ мальчикъ, что совершать добрыя дѣла точно такъ же есть дѣло человѣческое,—какъ построить домъ? Не необходимо ли, чтобы каково что нибудь въ началѣ,—доброе оно или злое,—такимъ то было и въ концѣ?—Продикъ, замѣтивъ, кажется, куда направляется его рѣчь, и опасаясь, какъ бы въ присутствіи всѣхъ не показаться опровергнутымъ со стороны мальчика (а испытать это глазъ С. на глазъ почиталъ онъ дѣломъ безразличнымъ), очень лукаво отвѣчалъ, что человѣческое.—Такъ добродѣтель кажется тебѣ изучимою, а не врожденною? спросилъ мальчикъ.—Кажется изучимою, отвѣчалъ онъ.—Поэтому тотъ представляется тебѣ глупцомъ, примолвилъ мальчикъ, кто молится богамъ, думая сдѣлаться или грамматикомъ, или музыкантомъ, или овладѣть какимъ либо инымъ искусствомъ, которое необходимо изучить у другаго, или изобрѣсть самому?—Продикъ подтвердилъ и это.—Стало быть, продолжалъ D. мальчикъ, когда молишься ты богамъ, Продикъ, объ успѣхѣхъ своихъ дѣлъ и о своихъ благахъ, тогда молишься не о чемъ другомъ, какъ о своей честности и добротѣ, такъ какъ у людей честныхъ и добрыхъ и дѣла идутъ хорошо, а у худыхъ—дурно? А между тѣмъ, если добродѣтель изучима,—тебѣ надлежало бы, по видимому, молиться не о чемъ другомъ, какъ объ изученіи того, чего не знаешь.—Тутъ я сказалъ Продикю, что онъ, по моему мнѣнію, будетъ поставленъ въ немаловажное затрудненіе, не разрѣшивъ E. этого возраженія,—если думаетъ, что боги тотчасъ даютъ намъ то, о чемъ мы молимся имъ. Положимъ, ты всякій

разъ усердно идешь въ городъ и молитвенно просишь боговъ о дарованіи тебѣ благъ; однако тебѣ еще неизвѣстно, могутъ ли они даровать просимое. То же самое—если бы ты пришелъ и къ дверямъ грамматика, съ просьбою преподать тебѣ знаніе грамматики,—и не хлопоталъ больше ни о чемъ: но какъ только принялъ бы уроки, тотчасъ и могъ бы уже исполнять дѣла грамматика.—Когда я сказалъ это,—Продикъ обратился къ мальчику съ видомъ, обѣщавшимъ защи-
399. ту и выражавшимъ то, что выражалось нынѣ и у тебя: ибо ему досадною казалась мысль, что мы напрасно молимся богамъ. Но тутъ подошелъ къ нему начальникъ гимназіи и просилъ его выйти, такъ какъ онъ говоритъ юношамъ не пригодное; а что для нихъ не пригодно, то, разумѣется, и дурно.

Я рассказалъ тебѣ объ этомъ съ тою цѣлю, чтобы ты видѣлъ, какъ относятся люди къ философіи. Вѣдь если и Продикъ, говоря это предъ присутствующими, показался до
В. того безразсуднымъ, что былъ высланъ изъ гимназіи, то ты-то теперь ужъ не слишкомъ ли много пожалуй, говоришь, обѣщаясь не только убѣдить присутствующихъ, но и согласить съ собою противника. Извѣстно впрочемъ, что нѣчто подобное бываетъ въ судахъ. Если случается то же свидѣтельство представлять двумъ человѣкамъ, изъ которыхъ одинъ честенъ и добръ, а другой золь, то свидѣтельствомъ человѣка злаго судьи нисколько не убѣждаются, но иногда рѣшаютъ даже вопреки ему; а когда то же доносить чело-
вѣкъ честный и добрый,—его слова кажутся имъ совершенно
С. справедливыми. Вѣдь это же, можетъ быть, чувствуютъ и присутствующіе въ отношеніи къ тебѣ и Продику: этого почитаютъ софистомъ и хвастуномъ, а тебя политикомъ и чело-
вѣкомъ достойнымъ особеннаго вниманія. Поэтому они думаютъ, что надобно смотрѣть не на самую рѣчь, а на говорящихъ, каковы они.—Но хотя это говоришь ты и въ шутку, Сократъ, примолвилъ Эрасистратъ,—однакожь, мнѣ кажется, Критіасъ утверждаетъ дѣло.—Какая шутка! нисколько, кля-

нусь Зевсомъ, сказалъ я. Только зачѣмъ же вы, когда такъ D. хорошо и вѣрно разсматривали предметъ, не оканчиваете своего изслѣдованія въ отношеніи къ прочему, въ немъ содержащемся? Вѣдь у васъ, мнѣ кажется, остается и еще нѣчто для изслѣдованія: согласившись, по видимому, въ томъ-то, что богатѣть для однихъ есть добро, а для другихъ зло, вы должны еще разсмотрѣть, чтò значить богатѣть; ибо, не узнавши сперва этого, вамъ нельзя согласиться и въ томъ, чтò здѣсь будетъ зло и чтò добро. Пожалуй, готовъ и я, E. сколько могу, принять участіе въ вашемъ разысканіи. Пусть-ка говоритъ тотъ, кто утверждаетъ, что богатѣть есть добро: какое имѣетъ онъ объ этомъ понятіе?—Но я-то, Сократъ, сказалъ Эриксиасъ, подъ словомъ богатѣть разумѣю не болѣе того, чтò разумѣютъ и прочіе люди: именно, богатѣть значить пріобрѣтать много денегъ. Думаю, и Критіасъ этотъ слово богатѣть понимаетъ не иначе какъ нибудь.—Стало быть, нужно еще разсмотрѣть, примолвилъ я, что такое называется у васъ деньгами, чтобы нѣсколько времени спустя не придти вамъ въ разногласіе и относительно этого. Карфагеняне, на примѣръ, употребляютъ вотъ какую монету: 400. въ маленькій кусокъ кожи зашито что-то въ величину ста-тира; а чтò тамъ зашивается,—никто не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые это дѣлаютъ. Эти свертки, скрѣпленные печатью, называются монетами, и кто больше пріобрѣтаетъ ихъ, тотъ почитается обладателемъ бѣльшаго количества денегъ и богатѣйшимъ человѣкомъ. Напротивъ, если бы кому у насъ пришлось пріобрѣсть много такихъ монетъ,—онъ былъ бы не богаче человѣка, набравшаго съ горы большое количество камешковъ. Въ Лакедемонѣ же значеніе монетъ B. имѣетъ отвѣщенное желѣзо, и притомъ въ дикомъ состояніи; и кто пріобрѣлъ большое по вѣсу количество этого желѣза, тотъ почитается богатымъ, тогда какъ въ другой странѣ его пріобрѣтеніе не имѣетъ никакой цѣны. А въ Эіопіи употребляютъ камни съ вычеканенными знаками, которые для лакедемонца совершенно бесполезны. То же и у нома-

дическихъ скиеовъ,—кто изъ нихъ приобрѣлъ бы домъ Пулитіона, тотъ показался бы не богаче нашего Лукавита. И такъ, явно, что не все это деньги, если нѣкоторые, владѣя ими, нисколько не кажутся оттого богаче: у каждаго изъ тѣхъ народовъ есть, конечно, свои деньги, примолвилъ я, и есть люди, богатые этими деньгами; но у другихъ нѣтъ ни такихъ денегъ, ни богачей въ этомъ родѣ,—подобно тому, какъ похвальное и постыдное у всѣхъ не то же самое, но у иныхъ иное. Поэтому, если захотимъ мы изслѣдовать, почему для скиеовъ дома—не имѣніе, а для насъ имѣніе, для кареагенянъ кожа—деньги, а для насъ—нѣтъ, для лакедемонянъ желѣзо—деньги, а для насъ—нѣтъ; то не скорѣе ли этимъ способомъ опредѣлимъ значеніе богатства? Пусть бы, на примѣръ, кто нибудь въ Аѣинахъ приобрѣлъ на вѣсь тысячи талантовъ этихъ камней, лежащихъ на площади и нами не употребляемыхъ: сдѣлался ли бы онъ отъ этого богаче?—Мнѣ не представляется.—А кто приобрѣлъ бы тысячи талантовъ лихнита,—мы назвали бы его очень богатымъ?—Конечно.—Потому ли, спросилъ я, что этотъ камень полезенъ намъ, а тотъ бесполезенъ?—Да.—Вѣдь и у скиеовъ поэтому именно дома не имущество, что въ домѣ они не имѣютъ надобности, и ни одинъ скиеовъ не пожелаетъ себѣ дома болѣе красиваго, чѣмъ косматая его кожа, потому что эта полезна ему, а тотъ бесполезенъ. По тому же самому и мы кареагенской монеты не почитаемъ деньгами, что не можемъ достать за нее ничего, въ чемъ имѣемъ нужду, какъ достаемъ за серебро; и оттого кареагенскую монету считаемъ для себя негодною.—Естественно.—Стало быть, что полезно намъ, то—деньги, а что бесполезно, то—не деньги.—Какъ же это такъ, Сократъ? 401. подхватилъ Эриксиасъ:—развѣ не въ обычаѣ между нами собесѣдованіе, дѣланіе вреда и многое подобное? Ужели же это будутъ деньги? а между тѣмъ такія дѣла представляются полезными.

Такъ и этимъ способомъ не удалось намъ открыть, что та-

кое деньги. Въ томъ-то почти всё мы согласились, что тому, что намъ вѣревались бы назвать деньгами, необходимо быть полезнымъ; но въ родѣ вещей полезныхъ которыя именно деньги, если не всё? Давай-ка опять подойдемъ къ вопросу такъ, — не скорѣе ли найдется искомое? Что такое то, для чего употребляются деньги, и для чего придумано пріобрѣтеніе ихъ, будто лѣкарства для избавленія отъ болѣзни? Можетъ быть, съ этой стороны предметъ представится намъ яснѣе. Такъ какъ оказывается дѣломъ необходимымъ, чтобы то было полезно, чему слѣдуетъ быть деньгами, и понятіе денегъ заключается у насъ въ родѣ вещей полезныхъ, то остается рассмотреть: для какой нужды полезно употребленіе денегъ? Вѣдь можетъ быть полезно и все, что ни употребляется у насъ для работы, — подобно тому, какъ всё одушевленные существа суть животныя, хотя нѣкоторымъ родомъ животности мы называемъ собственно человѣка. Если бы, напримѣръ, кто спросилъ насъ: по уничтоженіи чего не имѣли бы мы нужды во врачевномъ искусствѣ и его орудіяхъ? — отвѣтъ нашъ былъ бы, что по изгнаніи болѣзней изъ тѣла, такъ чтобы ихъ вовсе не было, а если бы и являлись онѣ, то вдругъ и исчезали бы. Стало быть, врачевное искусство, между прочими знаніями, полезно, какъ видно, для изгнанія болѣзней. Потомъ, если бы кто опять спросилъ насъ, по уничтоженіи чего не имѣли бы мы нужды въ деньгахъ, — найдется ли у насъ отвѣтъ на это? Положимъ, не найдется, — тогда надобно снова рассмотреть слѣдующее: что если бы человѣкъ могъ жить безъ пищи и питья, не алкалъ и не жаждалъ, — имѣлъ ли бы онъ нужду въ этомъ самомъ, — въ серебрѣ или въ чемъ нибудь иномъ, на что пріобрѣтаются пища и питье? — Мнѣ кажется, не имѣлъ бы. — Не такимъ же ли образомъ и прочее? Если бы для служенія тѣлу не нужно было намъ то, въ чемъ теперь нуждаемся, — если бы для тѣла не требовались по временамъ ни тепло, ни холодъ, ни другое подобное, что теперь требуется, — то такъ Е. называемыя деньги были бы у насъ неупотребительны: къ че-

му деньги, когда никто никакой не имѣлъ бы нужды въ томъ, для чего мы хотимъ имѣть ихъ? Онѣ вѣдь требуются для удовлетворенія пожеланій и тѣлесныхъ нуждъ, которыя всякій разъ мы чувствуемъ. Если же пріобрѣтеніе денегъ полезно для этого,—для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ,—то, какъ скоро нужды эти были бы устранены, мы не требовали бы уже денегъ, да, можетъ быть, тогда и вовсе не было бы ихъ.—Явно.—Стало быть, явно и то, что деньги суть нѣчто полезное, какъ видно, для этого совершенія дѣлъ.—Подтвердилъ выведенное понятіе о деньгахъ, хотя впрочемъ очень испугался такого коротенькаго ихъ опредѣленія.—

402. **Же это такое?** продолжалъ я:—положимъ ли, что одна и та же вещь для одного и того же дѣла иногда бываетъ полезна, иногда бесполезна?—Я не положилъ бы; но въ чемъ нуждаемся мы для одного и того же дѣла, то кажется мнѣ полезнымъ, а въ чемъ не нуждаемся,—бесполезнымъ.—По-сему, если бы могли мы мѣдную статую сдѣлать безъ огня, то для этой-то работы въ огнѣ не имѣли бы надобности; а когда не имѣли бы въ немъ надобности, онъ былъ бы для насъ и бесполезенъ. То же самое и о прочихъ вещахъ.—

В. Явно.—Стало быть, безъ чего что нибудь можетъ быть сдѣлано, то для этой-то цѣли оказывается намъ вовсе полезнымъ?—Да.—Поэтому, если бы показалось, что мы можемъ удовлетворить тѣлеснымъ нуждамъ безъ золота, серебра и другихъ подобныхъ вещей,—которыми пользуемся не столь непосредственно для тѣла, какъ пищею, питьемъ, одеждою, постелью, домомъ, такъ что не имѣемъ въ нихъ прямой надобности,—то для этого, для золота, серебра и другихъ подобныхъ вещей, по видимому, не понадобились бы намъ и деньги, какъ скоро можно было бы жить и безъ нихъ.—Не понадобились бы.—Стало быть, деньги тогда не показались бы намъ и деньгами, если бы были бесполезны; они имѣли бы для насъ значеніе денегъ только въ томъ случаѣ, когда бы мы могли воспользоваться ими для пріобрѣтенія чего нибудь.—Нѣтъ, Сократъ, не могу я убѣдиться

въ томъ, что золото, серебро и другія подобныя вещи не имѣють у насъ значенія денегъ. Вѣдь въ томъ я совершенно увѣренъ, что бесполезное-то для насъ—и не деньги, и D. что деньги полезны для самыхъ полезныхъ вещей; но въ томъ-то я не могу согласиться съ тобою, что они вообще не полезны намъ для жизни,—когда за нихъ мы достаемъ потребное.—Такъ давай же, какъ нибудь установимъ это. Есть ли такіе люди, которые учатъ музыкѣ, или грамотѣ, или какой иной наукѣ, и, получая за то плату, цѣною получаемыхъ денегъ снискиваютъ себѣ потребное?—Конечно, есть.—Эти люди своимъ знаніемъ такъ ли снискиваютъ по- E. требное, что вымѣниваютъ за него, чтò имъ нужно, какъ мы—золото и серебро?—Полагаю.—Если же такимъ способомъ достаютъ они то, чтò имъ нужно для жизни, то ихъ способъ этимъ уже самымъ полезенъ въ отношеніи къ жизни; ибо серебро потому полезно, говорили мы, что за него мы можемъ получить необходимое для тѣла.—Такъ, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, когда самыя эти знанія относятся къ числу вещей полезныхъ, на нихъ, очевидно, можно смотрѣть уже какъ на деньги,—по той же самой причинѣ, по которой мы приписываемъ это значеніе золоту и серебру: и явно, что пріобрѣтшіе ихъ суть люди богатые. Немного прежде мы, правда, съ трудомъ принимали положеніе, говорившее о ихъ богатствѣ; но вотъ изъ допущеннаго теперь необ- 403. ходимо слѣдуетъ, что по временамъ чѣмъ болѣе у кого познаній, тѣмъ богаче тотъ бываетъ. Пусть бы кто спросилъ насъ: всякому ли человѣку, думаете, полезенъ конь, или умѣющимъ обращаться съ нимъ полезенъ онъ, а не умѣющимъ—не полезенъ? Подтвердилъ ли бы ты это?—Подтвердилъ бы.—Не такимъ же ли образомъ и лѣкарство, продолжалъ я:—не всякому человѣку полезно оно, а только тому, кто дозналъ, что надобно употребить его?—Полагаю.—Не подобно ли этому и все прочее?—Вѣроятно.—Стало быть, B. и золото, и серебро, и все имѣющее видъ денегъ полезны только тому, кто умѣетъ употреблять ихъ.—Такъ.—А прежде

- не казалось ли, что знать, гдѣ и какимъ образомъ употреблять каждую изъ этихъ вещей, есть дѣло человѣка честнаго и добраго?—Полагаю.—Стало быть, однимъ этимъ честнымъ и добрымъ людямъ и полезны тѣ вещи, если одни они знаютъ, какъ употреблять ихъ. А когда онѣ полезны только имъ, только для нихъ имѣютъ онѣ и значеніе денегъ. Съ
- C. другой стороны, возьмемъ человѣка, не умѣющаго ѣздить верхомъ, но пріобрѣтшаго коней, которые для него бесполезны: кто преподалъ бы ему науку верховой ѣзды, тотъ не сдѣлалъ ли бы его вмѣстѣ съ тѣмъ и богаче,—какъ скоро въ томъ, что прежде было для него бесполезно, научилъ бы его находить пользу? Вѣдь преподающій человѣку какое нибудь знаніе вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ его и богаче.—Явно.
- Между тѣмъ можно, кажется мнѣ, побожиться за Критіаса, что онъ не убѣжденъ ни въ одномъ изъ этихъ положеній.—Въ самомъ дѣлѣ, клянусь Зевсомъ, сказалъ онъ, надобно сойти съ ума, чтобы убѣдиться въ этомъ. Но почему не привелъ ты къ концу раскрытіе того положенія, что представляющееся деньгами,—золото, серебро и прочія подобныя вещи,—не суть деньги? Вѣдь я очень люблю слушать эти, теперь излагаемыя тобою разсужденія.—Мнѣ кажется, Критіасъ, примолвилъ я, что ты любишь слушать меня, какъ рапсодистовъ, поющихъ стихотворенія Омира,—если ни одно изъ этихъ положеній не кажется тебѣ справедливымъ. Впрочемъ давай-ка, нельзя ли какъ нибудь под-
- E. твердить это? Скажешь ли, что домостроителямъ бываетъ что нибудь полезно для постройки дома?—Мнѣ кажется.—Не на то ли укажемъ, какъ на полезное, что употребляютъ они при постройкѣ, на примѣръ, на камни, плиты, дерева и другія вещи въ этомъ родѣ? Или также и на орудія, которыми они строятъ домъ, равно какъ на тѣ, которыми доставаютъ матеріалы,—дерева и камни?—Для этой цѣли, мнѣ кажется, полезно все такое.—Не то же ли самое и при другихъ работахъ? спросилъ я:—полезно бываетъ не только то, что употребляемъ мы для cadaго дѣла, но и то, посред-

ствомъ чего достаемъ матеріалы и безъ чего намъ не достать бы ихъ?—Конечно такъ.—П. сему и то опять, чѣмъ 404. производится это,—и если есть что вышеэтого, а надъ этимъ иное, еще болѣе высшее, и такъ до безконечности,—не покажется ли все это необходимо полезнымъ для ихъ работы?—Ничто не мѣшаетъ быть этому, сказалъ онъ.—Что же, если у человѣка есть и пища, и питье, и одежда, и прочее, что нужно будетъ ему употребить для своего тѣла,—потребуется ли онъ еще золота, серебра, или чего инаго, чѣмъ снискивается то, что у него есть?—Мнѣ кажется, не потребуешь. — А не можетъ ли намъ представиться, что человекъ 405. собственно для удовлетворенія своего тѣла не имѣетъ нужды ни въ чемъ такомъ?—Можетъ.—Но если это для такого дѣла бесполезно, то это же должно ли опять казаться и полезнымъ?—вѣдь было положено, что для одного и того же дѣла нельзя быть вещи иногда полезною, иногда бесполезною.—Да, таково именно было одно и то же—мое и твое положеніе, сказалъ онъ: ибо если то самое можетъ когда нибудь быть для этого полезнымъ, то уже никогда не выйдетъ опять бесполезнымъ; теперь же то самое служить къ совершенію дѣлъ иногда худыхъ, иногда хорошихъ.—А я С. спросилъ бы: возможно ли, чтобы дѣло дурное было полезно для совершенія чего нибудь добраго?—Мнѣ представляется это невозможнымъ.—Добрыми же дѣлами не тѣ ли называемъ мы, которыя человѣкъ совершаетъ посредствомъ добродѣтели?—Полагаю.—Такъ возможно ли, чтобы человекъ научился этому, когда онъ учится при посредствѣ слова, если вовсе лишается слуха, либо другаго чего нибудь?—Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; мнѣ не кажется.—Въ числѣ вещей, полезныхъ для добродѣтели, не представляется ли D. намъ и слухъ,—если добродѣтель изучима посредствомъ слуха, которымъ мы пользуемся при ученіи?—Видимо.—Поэтому, если медицина можетъ вылѣчить больнаго, то не можетъ ли иногда и медицина представляться намъ полезною для добродѣтели, какъ скоро врачебными средствами возста-

- новляется слухъ?—Да и ничто не препятствуетъ.—Такъ не можемъ ли мы опять, вмѣсто денегъ, пріобрѣсть медицину,—когда деньги кажутся намъ вещами, полезными для добродѣтели?—Очень можемъ и это, сказалъ онъ.—Да и не то ли уже, подобнымъ образомъ, чрезъ что мы достаемъ деньги?—Безъ сомнѣнія, все.—Но не кажется ли тебѣ, что серебро человѣкъ можетъ доставать коварными и безчестными дѣлами, а за серебро слушать медицину, чего прежде не могъ, и, пріобрѣтши познанія, злоупотреблять ими въ отношеніи добродѣтели, или чего другаго?—По моему мнѣнію, конечно, можетъ.—Стало быть, коварное-то дѣло не полезно для добродѣтели?—Не полезно.—Слѣдовательно, нѣтъ необходимости, чтобы то, чѣмъ снискиваемъ мы полезное для каждаго дѣла, само было полезно для того же; ибо иначе показалось бы, что для дѣлъ добрыхъ полезны и дѣла коварныя.
405. Это еще яснѣе можно усмотрѣть изъ слѣдующаго. Какъ скоро нѣчто полезно для тѣхъ или другихъ вещей, безъ которыхъ,—если бы, то есть, вещей этихъ не существовало прежде,—того полезнаго и не было бы, то смотри, какъ назовешь ты такое полезное? Можно ли почитать полезнымъ невѣжество для знанія, болѣзнь для здоровья, порокъ для добродѣтели?—Я не сказалъ бы этого.—Однакожь и то признали бы мы невозможнымъ, чтобы кто нибудь овладѣвалъ знаніемъ прежде невѣжества, здоровьемъ—прежде болѣзни, добродѣтелию—прежде порока.—Это, мнѣ кажется, такъ.—Стало быть, не представляется необходимымъ, чтобы то, безъ чего что нибудь не можетъ быть, было полезно для этого; потому что иначе показалось бы намъ полезнымъ также невѣжество для знанія, болѣзнь для здоровья, порокъ для добродѣтели.—Критіасъ сильно усомнился въ моихъ словахъ,—изъ опасенія, какъ бы не оказалось и все не полезнымъ. Замѣтивъ, что убѣдить его было бы все равно, что, по пословицѣ, варить С. камень, я сказалъ: Оставимъ этотъ предметъ изслѣдованія, такъ какъ не можемъ согласиться между собою, тожественно ли полезное съ деньгами, или не тожественно. Скажемъ-ка

что нибудь вотъ о чемъ: того ли человѣка признаемъ мы счастливѣйшимъ и лучшимъ, у котораго множество нуждъ для тѣла и жизни, или того, у котораго онѣ очень немногочисленны и маловажны? Можетъ быть, и это узнаешь ты лучше всего тогда, когда возьмешь человѣка отрѣшенно, самого по себѣ, и будешь смотрѣть, которое его состояніе лучше. D. —то ли, когда онѣ боленъ, или то, когда здоровъ.—Но это, сказалъ онѣ, не требуетъ длиннаго изслѣдованія.—Да, можетъ быть, всякому легко увѣриться, примолвилъ я, что состояніе здороваго лучше, чѣмъ состояніе больнаго. Когда же чувствуемъ мы потребность въ большемъ и разнообразнѣйшемъ,—во время ли болѣзни, или во время здоровья?—Во время болѣзни.—Стало быть, когда мы бываемъ хуже E. самихъ себя, тогда сильно желаемъ и, ради тѣла, весьма много требуемъ для своего удовольствія.—Такъ.—Слѣдовательно, и напротивъ,—когда человѣкъ является лучше самого себя, тогда требуетъ онѣ весьма немногаго въ этомъ родѣ. Пусть будутъ два человѣка: одинъ исполненъ сильныхъ пожеланій и имѣетъ нужду во многомъ, а у другаго желанія тихи и ихъ немного. Каковы бываютъ тѣ перваго рода люди? Одни изъ нихъ игроки, другіе—пьяницы, третьи—обжоры,—и все это не иное что, какъ пожеланія.—И очень.—А всѣ пожеланія опять не иное что, какъ нужды въ чемъ либо. Посему люди, испытывающіе ихъ во множествѣ, находятся въ весьма худомъ состояніи, сравнительно съ тѣми, которые или совсѣмъ не имѣютъ, или имѣютъ весьма мало подобныхъ стремленій.—Конечно, такихъ лю- 406. дей и я почитаю самыми дурными, и чѣмъ больше у нихъ такихъ стремленій, тѣмъ они хуже.—Такъ не кажется ли намъ, что одно не можетъ быть полезно ради другаго, если мы не будемъ имѣть нужды въ томъ для этого?—Полагаю.—Стало быть, если нѣчто должно быть полезно намъ для удовлетворенія требованій тѣла, то необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы мы и имѣли нужду въ немъ для этого.—Мнѣ кажется.—Но у кого случается весьма много по-

лезнаго для этого, тому не представляется ли, что онъ и нуждается весьма во многомъ для этого,—если необходимо ему чувствовать потребность во всемъ полезномъ?—По моему мнѣнію, таково именно его представленіе.—Стало быть, поэтому-то онъ необходимо представляетъ, что у кого бываетъ много денегъ, у тѣхъ въ угоду тѣлеснымъ требованіямъ должно быть и много нуждъ, ибо деньги для этого-то представлялись полезными. Такимъ образомъ необходимо представляется намъ, что люди самые богатые, если только они имѣютъ нужду весьма во многомъ, суть самые дурные.

